

NOV 1 1958

ЗА ВЕРУ!

«Принес час решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Отечество, Православную Веру и за Церковь, А О ПЕТРЕ ВЕДАЙТЕ, ЧТО ЕМУ ЖИЗНЬ НЕДОРОГА, ЖИЛА БЫ ТОЛЬКО РОССИЯ В СЛАВЕ И БЛАГОДЕТЕЛЬСТВЕ...»

(Из приказа ПЕТРА ВЕЛИКОГО перед Полтавским сражением).

РОССИЯ

СТАВИТ СВОЕЮ ЦЕЛЮ ОБЩЕ-РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНО НАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ.

ROSSIYA
EDITOR N. P. RYBAKOFF

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА под редакцией
Н. П. РЫБАКОВА

ЗА РОДИНУ!

Спасители России в смутное время: МИНИНЪ и ПОЖАРСКИЙ. «Православные люди, поможем Москве! Не ведаем своего ищущества, заложим жен и детей и соберем казну на ополчение! Если мы начнем это дело, так и другие города войдут за нами.»

СПАСЕМ, ГРАЖДАНЕ, ОТЕЧЕСТВО!»

Published daily except Sunday, Monday, certain Holidays and one week in summer by ROSSIYA PUBLISHING CO., Условия подписки для Соединенных Штатов, Канады и Заграницы:
Second Class Postage Paid at New York, N. Y. and at additional Mailing Offices. 12 мес. — \$ 15.00; 6 мес. — \$ 8.00; 3 мес. — \$ 4.50; 1 мес. - \$ 1.75

А. БАТЫЕВ.

ЗА ЧТО СОЦИАЛИСТЫ НЕ НАВИДЯТ ДОСТОЕВСКОГО?

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Ни одна юбилейная дата, посвященная деятелям русской литературы, не сопровождалась столь откровенной непристойностью, как 75-летие со дня смерти великого Достоевского, отмеченное в левом секторе российской эмиграции 2 года тому назад в Нью-Йорке.

Автор бессмертного романа "Бесы" подвергся ожесточенным нападкам и хулению со стороны потомков тех зловещих персонажей, которых имел мужество изобразить в своем неукротимом творчестве более 86 лет тому назад.

С тех пор в Европе и России произошли великие потрясения, нашедшие наиболее страшное выражение в Парижской Коммуне (1871) и в российской революции 1917 года, до сих пор еще незаконченной.

"Бесы" писался Достоевским в год появления Парижской Коммуны, (заканчивались они в 1872 г.), за 46 лет до потрясшей мир российской революции.

Несмотря на то, что роман был создан не на исторической основе, действующие в нем лица (Петр Верховенский, Ставрогин, Кириллов, Шатов, закулисный Шигалев и др.) являются как бы моделью, с которой революционная фантастика взяла для своего воплощения характеры Виктора Чернова, Азефа, Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Луначарского и прочих сподвижников их во всех их безчеловечных поступках и действиях.

Даже фигуры Керенского, Савинкова, со всей их эсеровской кампанией, формально стоявших якобы в оппозиции к большевизму, на арену исторических событий Февраля 1917 г. выходят как бы из за кулис того провинциального городка, в котором развертываются описанные великим художником символические хроники.

Достоевский создал прототипы этих вышедших из головы Карла Маркса и всех его первоначальных последователей (Ткачева, Нечаева и проч.) будущих растлителей народной души, в которой намечены были к возбуждению самые зверские инстинкты для того, чтобы получить в свое полное распоряжение миллионы разнузданных дикарей с погашенным сознанием и помраченной совестью с тем, чтобы впоследствии бросить их на штурм тех духовных ценностей, которые тысячелетиями вырабатывались и строились в мире (храмы, музеи, дворцы, университеты, библиотеки), натравить их на Бога и Человека.

Такая антибожеская и античеловеческая энергия накапливалась

давно. Еще в 1871 г. в Париже французской организацией, именуемой "Интернациональным Обществом — Властителем Европы", распространена была прокламация, в которой написано было буквально следующее: "Мы приказываем всем нашим соотечественникам всех стран поддерживать очаг ненависти и месть, который мы зажгли против религии, власти, богатых, буржуазии. Старое общество должно погибнуть и оно погибнет!" ("Рус. Вестник" 1871 г., август, стр. 645).

Достоевский читал это произведение, написанное в духе идеологии К. Маркса, являвшегося сторонником этого первого опыта пролетарской диктатуры. И он предвидел повторение его не только в Западной Европе, но и у нас в России. Роман "Бесы" представляет собою художественную реализацию этого предвидения. И история оправдала пророчества Достоевского: они сбылись.

Через 46 лет после Парижской Коммуны и обещаний ее вожаков "погубить старое общество" провозвестия великого писателя были осуществлены и исполнены вышедшими из его символов перевоплощениями в лице умозаступленных героев Октября 1917 г. — Ленина, Троцкого, Сталина и других их пособников.

Революционная сатанократия воплотилась в тоталитарное социалистическое государство, орудующее уже не парижскими прокламациями, а петроградскими и позже московскими декретами и специфическими карательными и судебными органами расправы над обезоруженным населением России.

Говорить после всего этого, что Достоевский не пророк революции могут только какие-нибудь 80-летние недоросли, равно как и социальные злодеи или нанятые лакеи социализма.

Мы не намерены классифицировать Нью-Йоркских социалистов и определять их место по соответствующим их качествам категориям. Это для нас было бы унижительным занятием, при том совершенно ненужным, поскольку они сами себя рекламируют в качестве марксистов и деятелей Социалистического Интернационала.

Во всей этой истории нас занимает пока один только вопрос: "За что же социалисты ненавидят Достоевского?" И мы попытаемся ответить на него.

Достоевский вывернул наизнанку всю внутреннюю сущность социализма, обнажив его духовное ничтожество, его моральную и интел-

лектуальную пустоту, предлагаемую всем под видом мнимой научности. Однако, никакой научности, и не только мнимой, но и подлинной, ежели бы таковая присутствовала в марксизме, невозможно заслонить основное его направление, его тайную цель, поскольку последняя уже достаточно обнажена.

Социализм несет в себе миссию всеобщего зла и в этом — главное его назначение. На эту тему можно написать целую диссертацию, но понятно, что диссертации пишутся не для газет, и предлагаемая читателю статья преследует публицистическую, а не научную цель. Поэтому мы не будем переходить за границы публицистики.

Достоевский прошел социализм на своем собственном опыте, участвуя в кружке русского фюрериста Петрашевского, намеревавшегося перевернуть весь мир. Будущий писатель погружен был всем своим существом в химеры Фурье, казавшиеся ему тогда откровением, но обнаружение этой социалистической группы царской властью, следствие и последовавший за ним суд, приговоривший виновников к смертной казни, затем помилование осужденных Императором Николаем I-м и замена казни каторгой, отбывание ее в Омской тюрьме, прохождение тяжелого наказания вместе с падшими людьми, — убийцами и другими отверженцами общества, — вызвали необходимость в необыкновенном каторжнике пересмотреть весь свой умственный багаж и моральный груз и увидеть при свете жестких фактов жизни и собственной совести, шедшей об руку с грубым умом, всю духовную и интеллектуальную пустоту социализма и всякого социального

бунтарства. Достоевский, не будучи сам преступником, в течение 4 лет жил и нес повинности каторжника вместе с другими осужденными, он был участником общего страдания, и он принял его, как суровый урок судьбы, под углом зрения которого он переоценил и самого себя и других, в жизнь и мучения которых он был погружен до последней пропасти, до крайней глубины. И в этих наблюдениях и переживаниях Достоевский нашел истинную оценку и Человеку, и Богу, равно как и обществу и государству, русскому народу и другим народам. Войдя в тюрьму с уже проявившимся талантом писателя — художника ("Бедные люди" и др.) он на дне падения человеческого нашел Небо Бога, и после того он поверил и в Человека, даже преступного, и в Бога прощения и милости. Одним словом, Достоевский погрузился в такие категории духовного опыта, перед которыми социализм предстал перед его взором в его истинном реальном качестве, в качестве внутренней опустошен-

ности и умственной несостоятельности.

Это стало началом нового познания социальной и личной жизни человека и, идя по этому пути, Достоевский продолжал развивать и строить свое проникновение в тайны социалистического мира. Свои видения писатель облек в форму художественного постижения и изображения вещей. И тут на помощь ему пришла вечная книга, случайно подаренная во время этапа в Сибирь женой одного из декабристов, это было Евангелие, с которым он никогда не расставался. Евангелие Д-ский знал почти наизусть, он проникся его учением и формами притчей, при чем его в особенности поразило повествование о подверженных беснованию больных людях, исцеляемых Христом, и с тех пор его внимание остановилось на этом загадочном, с точки зрения банального ума, образе.

Достоевский знал, что бес — не призрак воображения и не художественный символ, а подлинное реальное существо. Бесы в соответствии с своей духовной конституцией явление не столько индивидуальное, сколько групповое, коллективное, они действуют по принципу "один за всех, и все за одного". Это истинные социалисты, находящие самих себя на дне своего биологического бытия. Социализм ведь не социальность и даже не психология, это биология, освещаемая изнутри адским пламенем психиатрии. Бесы не способны к самопознанию, к этой ступени не допускает их инстинкт подонного, подпольного самосохранения. И потому личность беса закрыта для постороннего воздействия и влияния.

В евангельской сцене, изображающей исцеление гадарского бесноватого, еще не беса, но одержимого уже бесовщиной, бесы, изгнанные Христом из больного, входят, согласно своей просьбе, в свинное стадо и топят его в Генисаретском озере. Необходимо вникнуть в смысл этого повествования, чтобы понять его истинное значение. (Евангелие от Луки гл. 8, стих 30).

На вопрос Христа к бесу, посетившемуся в больном, как его имя, последовал ответ: "Легион", т. е. "много бесов вошло в него", объясняет Евангелист. Далее (стихи 31-39), он повествует о том, как бесы умоляли Христа не раздвигать их при изгнании из одержимого человека, а вселить в свинное стадо, которое паслось по близости тут на горе.

Христос позволил им, и они вошли в свиней, а стадо бросилось с крутизны в озеро и там потонуло. Для человека воспринимающего все явления жизни на поверхности происходящего, для типичного позитивиста и грубого материалиста (марксиста), не представляющего (перенос на 4-й стр.)

ЗА ЧТО СОЦИАЛИСТЫ НЕ НАВИДЯТ ДОСТОЕВСКОГО?

себе познания явлений в их глубине и высоте, вселение бесов в свиней кажется фантастическим, сказочным элементом, не имеющим никакого смысла, как всякая выдумка, но для всякого, кто понимает, что явления человеческой жизни, как внешние, так и в особенности внутренние, нисколько не беднее, по крайней мере, чем явления природы в их трехмерном состоянии (не только поверхность, но и глубина, и высота) открывается сокровенное содержание этого кажущегося мифа, облекающего обманчивой фантастичностью реальнейшее бытие того таинственного мира, который познается человеком путем мучительного, порой страдальческого, осмысливания трагического развития богопознания в плане сотворенного им во зле лежащего мира, наделенного величайшей потенцией добра и неуклонным самоотреченным устремлением к Истине. Бесовский "легион" при проникновении в этот план, этот биологический выражаясь на современном жаргоне, коллектив не может быть расщеплен, ибо он организован на подобие социалистической ячейки, в которой действует "один за всех и все за одного". В этой ячейке нет места отдельной личности, там царит начало стадности. В стадности не находится

места для индивидуального самосознания. Вот почему переубедить социалиста невозможно: тут беспомощен весь арсенал науки и философии, приоритет которых признается социалистами до тех пор, пока не затронут их основной принцип, являющийся для них догматом марксизма. Бес боится в роковой момент остаться в одиночестве, поскольку удаление от коллектива несет ему смерть, он хочет быть всегда в своем легионе, в коллективе, а в легионе его заключена страшная разрушительная энергия, и вот эта энергия, поселившаяся в отдельном обреченном человеке, в данном евангельском повествовании в бесноватом, требует выхода в другую материю, при чем для того, чтобы разрядиться ей, этой сатанинской силе, недостаточно одной свиньи, а требуется целое стадо свиней. Таким образом в рассказе этом содержится прямое указание на то, какая колоссальная мощь требуется от бесовщины, чтобы побороть одного только человека, и эти скажем тысячи лошадиных сил, заселивших человеческую психику одной личности в состоянии утопить в озере огромное стадо свиней, т. е. тысячи других живых существ, но иного подчеловеческого измерения.

Так можно понимать евангель-

ский рассказ.

Достоевский указывает пути познания бесовщины, пути, столь необходимые как истинным ученым и философам, так и умным политикам, вообще государственным людям, имеющим дело с современными состояниями в человечестве.

Роман Достоевского "Бесы" появляется задолго до полного выхода бесовщины на всемирную арену. Человеку, как отдельной личности, и человеку, как соучастнику социальной жизни в нации, обществе или государстве, т. е. Человеку, связанному с определенной социальной средой, дается великим писателем предупреждение о смертельной опасности, надвигающейся на него со стороны организовывающихся международных сил социализма и коммунизма (1871 год сопровождался появлением Парижской Коммуны, выросшей из действовавшего, незадолго перед тем организованного, 1-го Интернационала, в котором столь энергичное участие принимал Карл Маркс).

Этому предупрежденному великим писателем Человеку дано понятие в совершенно новых образах и символах, что наступила пора готовиться к борьбе с сатанизмом, избравшим прельщающую слепцов форму некоего неведомого дотоле откровения, изложенного в Коммунистическом Манифесте К. Маркса.

Но Человек, как это почти всегда бывает, живет трафаретами, и всякая новая мысль, которая требует от него углубления в предмет, до того ему незнакомый, не хочет утруждать себя напряжением и духовной работой и усилиями воли и потому он уклоняется от размышления, отмахивается от предупредительных тревожных сигналов и не хочет узнать что либо из той об-

ласти, в которой приходится ему расставаться с привычным покоем и вялостью душевных эмоций.

К тому же в нем начинают давать всходы посеянных эпохой "Цветов Зла". Не случайно знаменитый французский поэт Бодлер дал такое наименование своей погрязнувшей книге стихов, выпущенной им в 1857 году в Париже, в которой он гениально отобразил духовное заболевание всей французской нации, вскрывшееся после событий 1789 года, т. е. после "Великой революции".

Человечество охвачивается пыльными всходами собственного Зла, оно пресыщено дарами мнимой цивилизации и начинает грезить в ядовитых парах социалистических идей и атеистических настроений, заражаясь сначала демонизмом и переходя к более страшной ступени его к сатанизму.

Между тем Зло продолжает организовываться и, не встречая никакого толкового возражения, облаченное в ризы эстетики и пританцовываемое в произведениях искусства, проникает с Запада на Восток, где оно, завладев умами просвещенной черни, провоцирует в конце концов революцию в самом слабом по потенциалу к сопротивлению месте, в России.

В этой стране, в которой еще не выработан тип человека, способного к решительному энергичному индивидуальному отпору распространителям мутящей умы социальной заразы, многочисленные слепые умы полунинтеллигентов, мечтатели, фанатики, маниловы, провокаторы и провоцируемые объединяются в феврале 1917 года и в октябре того же года вступают в новую фазу всеобщего разложения.

Прекраснодушные, проявляемое даже во имя благородных и высо-

ких принципов, никогда не может быть оправдано, и оно опасно.

В этой стадии отравление бурно проявляет себя, тем более что противоядие, которое Достоевский стремился выработать в русской интел-

лигенции, не было готово, и Россия падает, пораженная всеобщим припадком беснования и общественной капитуляцией перед нею.

А. БАТЫЕВ.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА"

(Начало на 2-й стр.)

ем, отходит на второй план. Роман Лени с Таней изображен таким образом: "Загадку кокса я благодаря тебе решил! Теперь дело только кое в каких деталях. И он поднял Таню так, что ее лицо пришлось вровень с его лицом, и поцеловал ее крепко в яркие, как два Сириуса, глаза". Такими словами заканчивается повесть.

Автор использует каждую возможность, чтобы бросить тень на дореволюционный быт и порядки. В пригороде "Камень" в каждом доме был мастер, ремесленник, "и это давало Камням бесспорное преимущество перед каким то там реальным училищем, где совершенно бесполезно и в тошнотной скуке приходилось торчать большую половину дня". (стр. 467). Явной клеветой на прежние неплохие средние учебные заведения являются рассказы, как под угрозой побоев со стороны реалист. преподаватели ставили им удовлетворительные отметки (466 на стр.) изображена в карикатурном виде фигура священника (135 стр.) и т. д.

И в этой повести литературные достоинства остаются не на высоте. Вот, несколько примеров.

"Осенью все тончает и сквозит, и дядя Черный молитвенно любил осень". (стр. 420); "Дядя Черный впитывал в себя знакомое, покойное: пятна и линии, округлость человеческих жестов и пухлую старость выбеленных мелом стен". (стр. 428). Или такие выражения: "мать отзвалась шалашим басом" (431), "акробаты прыгали сочно, (430), он "отвечал лучась" (430) и мн. др. Мало того, что все эти выражения не литературны, они даже непонятны. Единственно в чем нельзя отказать автору это его искренняя любовь, симпатия его к детворе. Некоторые сценки из жизни Тани ("Память сердца") и, особенно Лени ("Загадка кокса") написаны очень живо и тепло.

Общее впечатление от 10 тома сочинений Сергеева - Ценского весьма унылое. Жаль советского читателя, которого "кормят" такими произведениями искусства.

Обидно, что на рынке отсутствует много необходимых книг и учебников и, в то же время, выпускается подобная макулатура.

Проф. Ив. НИКОДИМОВ.

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ
СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО